

Лекарь Фан, не поднимая головы, забирал вещи из медицинского чемоданчика.

— Тело изранено годами, сама основа подорвана. К тому же за ним никогда не ухаживали. Если и дальше не беречься, о спокойной старости придется забыть.

Лицо Сюй Юньтин потемнело так, будто с него вот-вот готов был капнуть тушь, затем слегка побледнело. Сжав кулаки, он глухо произнес:

— Я понял.

Сяо У проводил лекаря Фана. Сюй Юньтин сидел на краю кровати, глядя на погруженного в беспамятство, осунувшегося и тихого Шэнь Ханьфэна.

В этот момент тот казался невероятно послушным, но от воспоминания о словах лекаря в груди Сюй Юньтина вновь заняло смутной, незнакомой болью.

Он знал, что ради нынешнего Императора Шэнь Ханьфэн на поле боя получил тяжелое ранение стрелой — та едва не пробила сердце, и он тогда долго не приходил в сознание.

Было еще три колотых ранения, каждое — до самой кости. Но в те времена Император был всего лишь принцем, а сам Шэнь Ханьфэн нес службу в Городе Чжоу.

Узнав о его возвращении, Сюй Юньтин лишь однажды навестил его под предлогом того, что они оба — приближенные Его Величества.

Больше он не смел делать никаких шагов. В глазах окружающих он слыл жестоким тираном, залитым кровью палачом — существом, внушающим всеобщий страх и презрение.

Он не смел приближаться к Шэнь Ханьфэну, боясь вызвать у того отвращение.

И еще отчетливее он понимал, что именно чувствует к Шэнь Ханьфэну.

Он боялся, что тот разгадает эту тайну, затаившуюся на самом дне его души, и станет от этого еще сильнее презирать и отдаляться. Ему казалось, что достаточно просто издали смотреть на него — и то хорошо.

Но как вышло, что он получил столько ран? И что значит — ранен годами? Кто посмел поднять на него руку?

Сюй Юньтин так и просидел возле Шэнь Ханьфэна до самой ночи, совершенно забыв про ужин.

Посреди ночи у Шэнь Ханьфэна снова поднялся жар, и Сюй Юньтин раз за разом обтирал его тело горячим полотенцем.

Прислушавшись, он различил, как больной в бреду что-то бормочет. Наклонившись совсем близко к его губам, он разобрал:

— А-Чэнь, ты мне не веришь... не веришь...

Лицо Сюй Юньтина почернело окончательно. А-Чэнь? Неужели это Чжоу Ичэнь? Неужели он настолько дорожит Чжоу Ичэнем?

И правда, с самого детства он был готов отдать за Чжоу Ичэня жизнь.

Но почему, даже после того как Чжоу Ичэнь в последние годы так обошелся с ним, он всё равно продолжает помнить о нем — даже в бреду?

Какое-то жгучее чувство, имя которому ревность, безумно зашевелилось в груди Сюй Юньтина. С мрачным лицом он просидел у постели Шэнь Ханьфэна всю ночь.

На следующее утро Шэнь Ханьфэн наконец пришел в себя. Открыв глаза, он увидел незнакомую обстановку и сидящего рядом Сюй Юньтина с помрачневшим лицом.

Он попытался через силу приподняться, но Сюй Юньтин резким движением вернул его на подушки:

— Не двигайся. Лекарь велел тебе как следует отлеживаться, никаких резких движений.

Затем он бросил в сторону двери:

— Подайте утренний суп для молодого генерала.

Шэнь Ханьфэн долго пытался вырваться, но силы были не те. В конце концов он сдался и, вспомнив события перед потерей сознания, спросил:

— Девятитысячелетний, это вы вывели меня из дворца? Иными словами, мы... в Резиденции тысячелетия?

— Мм. Побудь пока здесь, отдыхай и набирайся сил.

Сяо У внес поднос с едой.

Сюй Юньтин приподнял Шэнь Ханьфэна, устраивая его спиной на изголовье кровати, взял миску с жидким рисом и зачерпнул ложку.

Шэнь Ханьфэн смутно почувствовал что-то неладное и уже собирался протянуть руку, чтобы взять пиалу самому.

— Лекарь только что обработал рану у тебя на руке. Если не хочешь остаться калекой, сиди смирно и не дергайся.

Шэнь Ханьфэн посмотрел на грозное выражение лица Сюй Юньтина и на поднесенную к самым губам ложку.

Приоткрыв рот, он упрямо произнес:

— Всё не так серьезно, я сам...

Не успел он договорить, как Сюй Юньтин уже влил ему в рот ложку каши.

Проглотив ее, он снова попытался вытянуть руку за миской, но едва она двинулась с места, как Сюй Юньтин бесцеремонно прижал ее обратно.

— Если вздумаешь еще хоть раз шевельнуться, я прикажу связать тебя и кормить насильно.

Встретившись с переполненным свирепостью взглядом Сюй Юньтина, Шэнь Ханьфэн против воли сжался внутри, ощутив укол страха.

Этот человек был известен своим крутым нравом и привычкой убивать без раздумий — Шэнь Ханьфэн вполне верил, что тот способен исполнить угрозу.

Отводя глаза от его взгляда, он был вынужден покорно позволить Сюй Юньтину кормить себя с ложечки.

Опустив взгляд, он случайно заметил, что на нем надета вовсе не его собственная одежда. Когда до него дошло, что это значит...

— Тьфу!

— Кхе! Кхе-кхе!

Каша изо рта брызнула прямо на руки Сюй Юньтина, а сам Шэнь Ханьфэн зашелся в яростном кашле.

Ходили слухи, что евнухи склонны к извращениям. Вспомнив бордель Цуйсянь и то, как этот человек прижимал его к полу своим весом...

Охваченный ужасом и гневом, Шэнь Ханьфэн взмахнул рукой и отвесил Сюй Юньтину пощечину. Голова того резко откинулась в сторону.

— Сюй Юньтин, мерзавец!

Он еще помнил, каким ослепительным в юности этот человек стоял среди толпы — даже великий наставник восхищался его несравненным талантом.

Но после воцарения нового императора он собственной рукой лишил себя мужского достоинства, превратившись в безжалостного палача, чьи преступления не счесть. А теперь он еще и...

— Сюй Юньтин, до чего же ты докатился?

Лицо Шэнь Ханьфэна исказилось от омерзения. Мысль о том, что этот человек осквернил его, вызвала у него такую волну тошноты, что он, свесившись с края кровати, согнулся пополам и вырвал всю только что съеденную кашу, а следом — горькую желчь.

Словно сдувшийся мяч, он полностью утратил боевой настрой, а на лице читалось горькое поражение. Шэнь Ханьфэн тут же попытался встать с постели, намереваясь немедленно вернуться в поместье: он не желал оставаться здесь ни единой минуты, ему нужно было смыть с себя этот позор.

Поняв, как именно Шэнь Ханьфэн истолковал случившееся, Сюй Юньтин почувствовал, как из глубин души поднимается ярость, закручиваясь в глазах бурной воронкой: тот считает его омерзительным...

Услышав шум, Сяо У торопливо толкнул дверь и вошел.

— Ой, молодой генерал, что же вы делаете? Лекарь строго-настрого приказал вам беречь силы!

С этими словами он бросился удерживать Шэнь Ханьфэна, который уже пытался натянуть обувь.

Шэнь Ханьфэн оттолкнул руку Сяо У, глядя на него с нескрываемым отвращением и злостью:

— Не трогай меня!

Сюй Юньтин закрыл глаза и сделал глубокий, свирепый вдох, силой загоняя обратно безымянную ярость и жестокие порывы.

Наконец он глухо произнес:

— Тебе просто сменили одежду.

Движения Шэнь Ханьфэна замерли, а Сяо У поспешно уложил его обратно на постель:

— Молодой генерал, да что с вами такое? Лекарь сказал, что раны на вашем теле должны оставаться чистыми, а на вашей прежней одежде живого места не было от крови, ее никак нельзя было оставить.

Сяо У совершенно ничего не понимал, но, взглянув на растерянный вид своего господина и беспорядок на полу, тут же приказал слугам убрать комнату.

Тогда Сюй Юньтин бесстрастно бросил:

— Принесите еще пиалу каши, — и повернулся к умывальнику.

Шэнь Ханьфэн остолбенел. Выходит, он все не так понял? Глядя в спину Сюй Юньтина, он внезапно ощутил неловкость, сменившуюся, впрочем, глухим облегчением.

Пользуясь тем, что моет руки, Сюй Юньтин приводил в порядок бушующие эмоции.

В мыслях промелькнуло: у того и так сложилось о нем скверное мнение, а если он снова увидит его свирепую сторону, то наверняка отдалится еще сильнее.

Сделав еще несколько глубоких вдохов, он повернулся, смягчив выражение лица.

— Вчера после потери сознания у тебя начался жар. Лекарь сказал, что это из-за воспаления ран, поэтому он очистил их и наложил мазь. Твоя одежда была насквозь пропитана кровью, носить ее было нельзя, поэтому мы и велели переодеть тебя.

Лицо Шэнь Ханьфэна густо покраснело. Смущенно опустив глаза, он выдавил:

— Прости... я во всем ошибался.

— Пустяки.

Сюй Юньтин на мгновение замолк, но всё же задал вопрос, который не давал ему покоя:

— Откуда у тебя на теле столько ран?

<http://bllate.org/book/21868/2270073>